

Постсоветская реальность

ЗАМЕТКИ О ВЛАСТИ И ЕЁ ЛЕГИТИМНОСТИ

В.М. Розин

Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматриваются три точки зрения на природу власти, причем автор считает, что власть хотя и принадлежит социальному целому, но исполняется людьми и поэтому антропологически обусловлена. При этом социальность он рассматривает в рамках культурологического подхода. Анализируются примеры исторически ранних и более поздних форм осознания власти. На основе этого анализа предлагается концепция власти и объяснение ее легитимности. Автор считает, что двухслойность власти (социально-культурное строение (порядок) и антропологическая подоснова) позволяет понять как нормальное ее функционирование, так и, если можно так выразиться, «девиантные социальные отклонения» (аномии). Приводятся примеры и того и другого. Предложенные автором представления о власти и легитимности надо рассматривать как идеально-типические построения по М. Веберу. То есть это схемы, позволяющие схематизировать эмпирический материал, ориентироваться в нем. При встрече исследователя с новыми видами власти эти схемы должны корректироваться или должны вводиться новые схемы.

Ключевые слова: власть, культура, социальность, легитимность, общество.

Нам противостоят бесчисленные объективации духа, произведения искусства и социальные нормы, институты и познания, подобно управляемым по собственным законам царствам, притязающие на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования, которое в сущности не знает, что с ними делать, и часто воспринимает их как бремя и противостоящие ему силы.

Зиммель Г. Кризис культуры

Существуют три точки зрения на природу власти: первая, что она принадлежит индивиду («сила над силой»), вторая, не индивиду, а социальности (определенному «социальному порядку», недаром, по М. Фуко, власть определяется как «бессубъектное взаимодействие социальных сил» [Фуко 1996: 192, 197]) и третья, гибридная, что власть хотя и принадлежит социальному целому, но исполняется людьми и поэтому антропологически обусловлена.

«Нормальная и прочная связь между людьми, именуемая властью, – пишет в «Восстании масс» Ортега-и-Гассет, – никогда не покоится на силе; все наоборот – тот общественный

инструмент или механизм, который кратко называют “силой”, поступает в распоряжение человека или группы людей лишь потому, что они правят... власть означает господство мнений и взглядов, то есть духа; что в конечном счете власть – это всегда власть духовная» [Ортега-и-Гассет 1997: 117, 119]. «Власть, – разъясняет Ю.М. Батулин, выражая фактически гибридный подход, – метафорически определяется как способность превращать определенные ресурсы во влияние в рамках системы взаимосвязанных субъектов. Так понимаемая власть есть способность субъекта реализовывать свои интересы в рамках системы вопреки сопротивлению других субъектов» [Батулин 1089: 140].

Моя позиция близка к третьей точке зрения, но социальность я рассматриваю как аспект культуры (точнее, как единство культуры и социальности), а антропологическую обусловленность как участие во власти сообществ, Общества и отдельных индивидов. Культурологический аспект власти виден уже в реконструкциях примеров мифологического осознания и начального практикования этого феномена: они относятся к культуре Древних царств. Вот два кейса.

В старовавилонском мифе об Атра-хасисе рассказывается о собрании богов, установивших новый социальный порядок. Этот порядок вводил власть богов и своего рода фигуру легитимизации, в соответствии с которой люди должны подчиняться богам, поскольку те пожертвовали богом «Ве-лом, имевшим разум» (на его крови боги замесили глину, из которой был создан человека)

В собрание ответили: «Так да будет!»
Ануннаки великие, вершащие судьбы.
В день первый, седьмой и пятнадцатый
Совершил омовение (Энки).
(Бога) Ве-ила, имевшего разум,
В собрание своем они убили...

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали [Клочков 1983: 38, 138].

Обратим внимание, фигура легитимизация в Древнем мире указывала на конкретных исполнителей власти (это боги, царь как живой бог и жрецы как посредники между богами и людьми). Одновременно власть определялась также устройством культуры и социальности, что особенно ясно из другого кейса.

«Солнечные или лунные затмения предвещали смерть или опасность для царя. В зависимости от положения светил, астрологи, (конечно жрецы. – В.Р.) могли объявлять опасным весьма продолжительный период времени, до 100 дней. Царя на это время отправляли в загородную резиденцию, где его называли “земледельцем” и подвергали различным ограничениям, тогда как во дворце поселяли подставное лицо, наделенное всеми внешними атрибутами власти. По минованию опасного периода “подменного царя” убивали (должно же предсказание сбыться!), а истинный царь возвращался в свой дворец» [Там же: 160].

Здесь стоит отметить два важных момента. Во-первых, что «борьба за власть» была обусловлена устройством культуры и социальности (власть принадлежала царю и жрецам, и оба эти социальные субъекта, как показывают исследования, стремились захватить управление царством), а также, что осуществление власти предполагало, если говорить современным языком, изобретение «социальных технологий» (в данном случае технология включала в себя расчет опасных дней и замену царя).

Обобщая подобные примеры, относящиеся и к последующим культурам, я вышел на следующую концепцию власти. Власть – это своеобразная топологическая характеристика социальной системы, а именно *система властных мест, зон и подходов к ним*. Социально-топологическое пространство власти задается культурными сценариями и картинками, а также борьбой за власть. Но власть – это и *свойства «человеческого материала»* (воля, ценности, жажда власти и т.п.), позволяющие личностям, стремящимся во власть, реализовать себя. Наконец, власть – это *социальные акции и действия* (технологии), проявляющие топологическое пространство власти, а также позволяющие ее участникам или удержаться во властном месте, или расширить зону власти, или изменить ее характер, или занять другое властное место и зону и т. п.

Целесообразно говорить о «строении» (устройстве) власти, а также ее «ресурсах» (источниках). К последним относятся культурные сценарии и картины мира, реальные социальные отношения (например, сословные, корпоративные, криминальные или дружеские связи), деньги и другие ценности, технологии власти, наконец, правовые отношения. Например, Дж. Локк считал, что устройство власти и ее источники должны определяться, прежде всего, Обществом, которое вводилось как сила соразмерная государству, призванная его контролировать, а также правовыми отношениями, которые подчиняются общественному Благут («законы, – писал Дж. Локк, – должны предназначаться ни для какой иной конечной цели, кроме как для блага народа» [Локк 1985: 346]). К сожалению, этот идеал трудно реализуем, а право является только одним из источников власти.

Анализ этого кейса позволяет сформулировать важную гипотезу о связи социальных институтов и власти. Действительно, можно предположить, что борьба жрецов и царей за власть, должна была привести к разграничению соответствующих социальных институтов – царской и жреческой власти. Это и понятно, ведь власть и социальные институты реализуются на одном и том же материале социальных систем.

Важно подчеркнуть здесь еще вот что: борьба за власть – это не просто нормально функционирующая социальная машина, действующая на основе определенных технологий. Это всегда ситуация борьбы, даже если внешне она так не выглядит. Например, состоялись выборы и победивший в них начинает, как будто, спокойно править. На самом же деле, он всё время думает об удержании этой власти или о том, чтобы повысить свой властный потенциал. Борьба за власть идет непрерывно. Борьба за власть – глубинная и сущностная характеристика власти. Именно она заставляет человека быть всё время активным, быть начеку, тратить свою энергию по высшему разряду и так далее.

Хочу добавить еще один важный момент: когда я говорю об управлении, то делаю историческую ссылку на культуру Древних царств, где управление выглядело как сложившаяся и функционирующая машина. А сегодня мы имеем дело не только со сложившимися системами, но и с новациями, изменениями, трансформациями, своеобразными революциями. Дальше. Сами системы управления без людей не функционируют. Именно люди дают им энергию, импульсы, жизнь. Какой именно человеческий материал (сообщества и индивиды, обладающие конкретной историей) соединяется с управлением, и с каким типом управления, такой тип власти и получается [Голубкова, Розин 2024].

Двухслойность власти – и социально-культурное строение (порядок) и антропологическая подоснова определяет как нормальное ее функционирование, так и, если можно так выразиться, «девиантные социальные отклонения» (аномии). Когда Аристотель пишет о правильном государственном устройстве античного полиса, это можно отнести к нормальному функционированию власти, а например, передачу римским обществом власти консулу и диктатору Сулле – к аномии.

«Государственное устройство, – пишет Стагирит, – означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо граждане, участвующие в государственном общении не граждане, либо они должны все быть причастны к общей пользе. Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе. По общему представлению справедливость есть некое равенство...а такое равномерно правильное имеет в виду выгоду всего государства и общее благо граждан» [Аристотель: 467, 471].

А вот кейс, демонстрирующий процесс захвата властной личностью (Суллой) социальных структур. «Сулла был первым человеком в Риме, кто использовал данные ему сенатом легионы для развязывания гражданской войны и захвата власти, что сближает его с более поздними римскими императорами. Но хотя Сулла захватил власть с помощью армии (более того – с помощью активных военных действий), он удерживал её без прямого вмешательства войск. Главным средством воздействия на граждан для него был страх. Сулла также был первым, кто был избран диктатором не на 6 месяцев, как того требовала неписаная римская конституция, а “до тех пор, пока Рим, Италия, вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепится”. В то же время, он сложил свои полномочия досрочно. Проведённые Суллой мероприятия, при всей своей жестокости, способствовали стабилизации положения в государстве и восстановлению влияния сената после потрясений Союзнической войны и власти марианцев в 80-е годы. Множество родовитых, а значит, влиятельных сенаторов из уважаемых семейств (в основном тех, что по разным причинам примкнули к Марию и Цинне) были убиты во время проскрипций, а на их месте оказались люди, преданные лично Сулле. Кроме того, новые сенаторы, вышедшие в основном из всадников, гораздо активнее занимались торговлей, которая раньше считалась занятием, недостойным патриция. Богатства многочисленных семейств были сконцентрированы в руках немногочисленной элиты, близкой к Сулле (достаточно сказать, что в будущем богатейшие люди Рима, Красс и Лукулл, были введены в политическую элиту именно в это время). Наделение землёй около ста тысяч сулланских ветеранов потребовало больших территорий пахотной земли, которые были изысканы в Италии и отобраны у изгнанных и проскрибированных лиц либо у племён, выступивших против Суллы в гражданской войне. Это содействовало не только расширению мелкого свободного землевладения на фоне прежнего подъёма крупных хозяйств с использованием рабской силы, но и широкой латинизации Италии. Тем не менее, основные политические реформы Суллы (“Сулланская конституция”) были отменены в течение 12 лет после его смерти» [Диктатура... 2022].

С.Л. Утченко видит в действиях Суллы вызов традиционной римской системе ценностей, а расправу с римскими гражданами он объясняет тем, что Сулла ощущал себя не обычным человеком, считал, что ему покровительствовали сами боги [Утченко 2023]. Возможно, это так, но спрашивается, как Сулла дошел до такой жизни? Думаю, главным здесь была не столько борьба за власть с Марием, сколько смена ощущения целого. Руководя войсками, которые ему беспрекословно подчинялись и верили, действуя часто за пределами Рима, Сулла постепенно перестал воспринимать Рим, римский полис как единственных представителей цивилизованной ойкумены. Мир, ойкумена для него теперь включает и Рим, и провинции Рима и многое другое. Еще одно, не менее существенное обстоятельство заключалось в том, что армия и ее полководец де-факто, но не де-юре теперь воспринималась римским населе-

нием как основная власть. Третье обстоятельство – ощущение Суллой своей силы, как бы сравнимой с могуществом самого Рима.

Потеря связи с римским полисом и напротив идентификация с миром как таковым, ощущение Суллой своего могущества влекли за собой самые разные последствия. Если не полис и община *face to face*, то перестают действовать традиции и договорные отношения, а разные партии и группировки воспринимаются просто как субъекты, сражающиеся за власть. Если не полис, то уже нечего бояться гнева ее богов. На кого теперь в жизни можно опереться? На самого себя, но естественно поддержанного богами, которых теперь ты можешь выбирать сам (Сулла был склонен выбирать восточных богов). На товарищей и армию, которым, правда, за поддержку надо платить (и Сулла щедро платил – землей, деньгами, местами в сенате и магистратурах). На всех остальных, включая плебс, опираться, конечно, было нельзя, но ими можно управлять, что Сулла делал искусно. С одной стороны, он использовал сложившиеся институты (сенат и магистратуры), с другой – кнут и пряник и, главное, страх, с третьей стороны, создавал поддержку в лице солдат, вышедших на пенсию (они получали наделы земли и права). «Опытный в вопросах государственной внутренней политики, Сулла с первых лет своей диктатуры начал заботиться о том, чтобы иметь как можно больше своих приверженцев. Свыше 120 тысяч ветеранов сулланской армии, сражавшихся под его командованием против понтийского царя и в гражданской войне, получили большие земельные участки в Италии и стали владельцами поместий, в которых использовался труд рабов. С этой целью диктатор проводил массовые конфискации земель. Достигались сразу три цели: Сулла расплачивался со своими солдатами, наказывал врагов и создавал опорные пункты своей власти по всей Италии... Командирам своих легионов Луций Корнелий Сулла раздавал денежные суммы, магистратуры и должности в сенате. Многие из них за короткий срок стали богачами. Огромное состояние нажил и римский диктатор. Десять тысяч рабов, принадлежавших жертвам сулланских репрессий, были отпущены на волю и стали называться «корнелиями» в честь своего освободителя. Эти вольноотпущенники тоже стали сторонниками Суллы» [Диктатура... 2022].

Почему Сулла реставрировал республиканский строй и добровольно сложил с себя диктаторские полномочия? Трудно сказать. Но возможно, первое он сделал потому, что считал римские институты удобными для управления страной и людьми. А второе потому, что был к этому времени болен, но продолжал держать в своих руках римский сенат и после отречения от власти [Розин 2019: 118–121].

Известно, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», и дело здесь в том, что человек, получивший абсолютную власть, перерождается в силу присущих ему теперь «сверхвозможностей». Его биологические и психические органы вынуждены адаптироваться к этим сверхвозможностям, что в целом ведет к такой трансформации, которая несовместима с обычными человеческими качествами и настройками. Другое следствие этой трансформации – социальная аномия. Правда, только в том случае, если история и особенности социального коллектива как бы подвели (подготовили) к такой аномии. Яркий пример – диктатура Гитлера и третий рейх. Абсолютная власть развращает и общество. Даже после капитуляции нацистов большинство немцев оправдывало Гитлера, и только включение Германии в западный мир и усилия последнего по ее демократизации позволили изменить тренд развития немецкого общества (на что потребовалось больше 20 лет).

В новоевропейской культуре модерна в рамках проектов государства Локка и Монтескье на власть и государство была надета узда гражданского общества, но, к сожалению, последнее часто было слабым и плохо управляло своим наездником. Наоборот, нередко государство и власть вывертывались из-под гражданского общества и начинали им командовать. Очень точные размышления на это счет принадлежат Валерию Подороге. «Государство, как

и власть (имеется в виду та или иная «группа» или «команда», находящаяся в данный момент «во власти»), – пишет он, – *вторичны*, сами лишь элементы гражданского общества и не имеют без него самостоятельного значения... с одной стороны, нам недостает гражданского общества, то есть недостает нас самих в качестве граждан, а с другой, нам всем «достаёт» слишком много власти, которая привычным образом концентрируется в руках довольно узкого круга чиновников, олицетворяющих собой исполнительную власть... Главной причиной того, что власть остается закрытой и «тайной», является ее нежелание раскрывать свои ресурсы. Действительно, что есть власть без ресурсного обеспечения (материального, информационного, символического и пр.) – вот где собираются все тайны власти... Нынешний, объявленный «диалог с властью» начинает звучать несколько странными обертонами. А, собственно, зачем власти вступать в диалог с гражданским обществом, к тому же если она полагает, что его как бы нет, что его будто еще надо построить?.. Если гражданин уязвим, то власть неуязвима. А как вы знаете, вопрос об уязвимости власти (со стороны общества и гражданских институтов) является условием легитимизации власти... сегодня власть, отказавшись от поиска партнеров и консолидировав применение силы в некоторых направлениях, вернула себе контроль фактически над всеми природными, финансовыми и прочими ресурсами страны, превратилась в нечто вроде благотворительного фонда. Избыток силы порождает чувство милости к падшим» [Подорога 2014].

Предложенные здесь представления о власти и легитимности, на мой взгляд, надо рассматривать как идеально-типические построения по М. Веберу. То есть это схемы, позволяющие схематизировать эмпирический материал, ориентироваться в нем. При встрече исследователя с новыми видами власти эти схемы должны корректироваться или должны вводиться новые схемы.

Аристотель. 1983. Политика. – Аристотель. *Соч. в 4-х т.* – Т. 4. – М.: Мысль. – С. 376–644.

Батулин Ю.М. 1989. *Власть: очерки современной политической философии Запада.* – М.: Наука, ИФРАН. – 127 с.

Голубкова Л. Г., Розин В.М. 2024. *Философия управления: учебное пособие для вузов* – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. – 439 с.

Диктатура... 2021. *Диктатура Корнелия Суллы.* – Доступно: https://otherreferat-s.allbest.ru/history/00101826_0.htm. – Проверено: 12.03.2024 г.

Клочков И. 1983. *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время.* – М. Наука, Главная редакция восточной литературы. – 207 с.

Локк Дж. 1985. *Сочинения: В 3-х т.* – М.: Мысль. – Т. 3. – 621 с.

Ортега-и-Гассет Х. 1997. Восстание масс. – Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды.* – М.: Издательство «Весь Мир». – 704 с.

Подорога В. 2001. Диалог с властью? – *Индекс.* – № 16. – Доступно: <http://www.index.org.ru/journal/16/podoroga.html>. – Проверено: 12.03.2024 г.

Розин В.М. 2019. *Становление и развитие европейской социальности: Этюды-исследования. Кн. 1: Древний мир и Средние века.* – М.: ЛЕНАНД. – 182 с.

Утченко С.Л. 2020. *Луций Корнелий Сулла. Оценка деятельности Суллы, Религиозные взгляды.* – Доступно: people.su/105316_14. – Проверено: 12.03.2024 г.

Фуко М. 1996. *Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности.* – М.: Ка-сталь. – 448 с.